

Tadeusz Szyszko

Пушкин глазами Лескова

Acta Polono-Ruthenica 3, 199-210

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tadeusz Szyszko
Warszawa

Пушкин глазами Лескова

Ровно сто десять лет тому назад в петербургском духовном журнале „Православное обозрение” была напечатана *Беседа Пресвященного Никанора, Архиепископа Одесского и Херсонского, в неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его.*¹ В этой беседе, произнесенной первоначально в сокращенном виде 1 февраля 1887 года в церкви Новороссийского (Одесского) университета, архиепископ Никанор² сопоставил Пушкина с евангельским блудным сыном, изобразив молодого поэта „совратившимся в язычество” поклонником Киприде, Вакху и „всем языческим божествам”, воспевавшим „соловьиными песнями” якобы „все страсти в самом диком их проявлении: половую ревность, убийство, самоубийство, игру чужою и своею жизнью...” „Любимейший сын неба, высокоодаренный поэт, - писал Никанор, - не только нечисто мыслил и чувствовал, но и поступал, мыслил и чувствовал, но и высказывал свои мысли и чувства, стремления и поступки прелестными стихами”.³ И только на одре смерти понял свои ошибки и раскался во всех своих заблуждениях, исповедуясь и принимая святыя дары.

Прочитав в мартовском номере „Православного обозрения” эту обширную, пресыщенную елейными словами, но в сущности неблагожелательную речь Одесского и Херсонского архиепископа, Николай Лесков, который как никто другой из российских литераторов испытал горечь ложных обвинений, с прискорбием писал:

¹ „Православное обозрение”, 1887, март, s. 531-561.

² Никанор - до пострижения Александр Иванович Бровкович (1827 - 1890) - архиепископ, профессор Новороссийского университета.

³ „Православное обозрение”, 1887, март, s. 534, 536.

„Как грустно, что жизнь дала повод Пушкину в 1830 году написать: «к доброжелательству досель я не привык»”.⁴ Но еще печальнее, что его неблагодарные потомки не сумели проявить доброжелательства к великому поэту и после его кончины. Чего не вытерпело его имя от необузданного пера Писарева? Но того можно еще слегка оправдать юностью: наверно, проживи он подольше, он сам бы первый со стыдом отрекся от тех односторонностей, на которые его толкнул господствовавший тогда в близких к нему кружках «дух времени», а что подумать о многочисленной семье профессоров Одесского [Новороссийского] университета, молча допустивших, чтобы на их празднике памяти пятидесятилетия смерти поэта местный архиерей произнес речь [...], полную самого бесстыжего фарисейства и наглого искажения мыслей и чувств поэта. Есть же среди них умные и честные люди. Как же они могли молча снести безобразие, учиненное в их среде над тем, чья память для каждого русского так беспредельно дорога?»⁵

Эти гневные слова Лескова продиктованы были не только тем, что архиепископ Никанор представлял Пушкина поклонником Киприде, Ваку и „всем языческим божествам”, что обвинял поэта в пропаганде разнузданности, но и тем, что Одесский архиепископ старался развенчать в глазах читателей любимых пушкинских героев - прежде всего Онегина, которого называл „безнравственным” субъектом и Татьяну, которую представил как „полудобродетельную” жену, далекую от „идеала нравственной женщины и супруги”.⁶

Сам Лесков, о чем ниже, не считал Пушкина „ангелом во плоти”, но созданный им образ Татьяны, этот, по его выражению,

⁴ Из стихотворения Пушкина *Ответ Анониму*.

⁵ [Н. С. Лесков], *Лорд Уронцов*, „Литературное наследство”, т. 87, Москва 1977, s. 121.

⁶ „Не говорите, - писал Никанор, - о высокой нравственности даже известного Пушкинского идеала женщины: бедная, жалости сердца достойная! Состоя в супружестве, она всею душою, сердцем и помыслами принадлежит предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа верность только внешнюю, о которой сама отзывается с очень малым уважением, чуть не с пренебрежением. Где же тут высоконравственный христианский брак, слияние двух существ в единую плоть и душу, в единого человека? И за это она идеал нравственной женщины и супруги!” („Православное обозрение”, 1887, март, s. 535).

„светлый облик женщины”, был для него почти святостью и любую критику этого образа считал кощунством. Татьяна, - писал Лесков еще в 1867 году, - это тип „нежный, но крепкий, как мрамор, от которого светлые рефлексy падают одинаково на мураву и на мусор, не отнимая свежести у муравы и не пачкаясь низменной перстью, ибо вся эта персть ниже лучезарного света души, произнесшей: я буду верна тому, в чем я поставлена”.⁷ И, процитировав известные слова замужней Татьяны в ответ на любовные излияния Онегина, Лесков не без присущей ему иронии противопоставил „преисполненную совершенств” пушкинскую героиню надоевшим ему современным „философствующим резонеркам”.

Образ пушкинской Татьяны, если можно так выразиться, вездесущ у Лескова. Не только он сам многократно при разных случаях ссылался на этот образ в своей частной переписке и литературно-публицистических статьях, но и заставлял к этому образу часто прибегать и своих литературных героев. И не только положительных. Так, например, одна из не пользующихся симпатией автора героинь его раннего романа *Обойденные*, Юлия Азовцева, не пренебрегающая никакими средствами, чтобы только заставить положительного героя, Нестора Долинского, сделать ей предложение, читает ему, после обдуманно разыгранной интимной „сцены наедине”, из зарнее припасенной книги:

Вообрази: я здесь одна,
Меня никто не понимает;
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

А после благополучного для ней исхода этого *tête-à-tête*, она

⁷ [Н. Лесков], *Специалисты по женской части*, „Литературная библиотека”, 1867, кн. 2, с. 226. Интересно отметить, что рисуя в *Загадочном человеке* неблаговидные поступки, связанного с революционными демократами Андрея Ничипоренко, Лесков описывает, как Елизавета Салиас де Турнемир прогнала его из своего московского салона за то, что он позволил себе насмеяться над умершими „господами Грановскими”, которые, по его словам, „беседуют теперь на том свете с Пушкиным и целуют его ручку за Таню, которая раз «другому отдана и будет век ему верна»” (Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 3, Москва 1957, с. 326).

вскрикивает: „Ты - мое божество, мой гений-хранитель!”⁸ К словам Татьяны прибегает в романе *На ножжах* и нигилистка Глафира Бодростина, когда услышав от своего бывшего любовника, афериста Павла Горданова, что она „всегда и во всем хороша”, говорит: „А я тебе могу ведь, как Татьяна, сказать, что «прежде лучше я была и вас, Онегин, я любила»”.⁹ А и сам Горданов, этот „волк в овечьей шкуре”, чтобы заявить себя с хорошей стороны в собравшемся благонравном обществе в доме генеральши Синтяниной, старается представить себя врагом модной женской эмансипации, заявляя: „Разве не ощутительны новые тяготения к старому: Татьяна Пушкина опять скоро будет нашим идеалом”.¹⁰ К словам из письма Татьяны к Онегину прибегает и Висленев, герой того же романа *На ножжах*, когда после совершения ночью неблагоприятного поступка, видит в противоположном окне девочку с зажженной свечой в руках, и преисполнен страха, спрашивает: „Кто ты? Мой ангел ли спаситель иль темный демон искуситель?”¹¹

К сожалению, жесткие рамки регламента не позволяют хотя бы бегло упомянуть всех произведений Лескова, в которых он сам или его герои ссылаются на образ Татьяны, не говоря уже о многих упоминаниях, реминисценциях и цитатах из *Евгения Онегина*. Скажем только, что из пушкинского романа в стихах Лесков часто любил цитировать, или вводить в свой текст без указаний на источник, такие выражения, как „воспитанием, слава Богу, у нас немудрено блеснуть”, „наш век и современный человек”, „одних уж нет, а те далече”, „как вы и я, как целый свет”, „мы все учились понемногу”, „постылая свобода” и др. Иногда приводил Лесков целые строфы из пушкинской поэмы для вящей характеристики описываемого героя,¹² и даже прибегал к онегинским стихам, когда

⁸ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. 3, Москва 1989, с. 35, 37.

⁹ Ibidem, s. 166.

¹⁰ Ibidem, s. 147.

¹¹ Ibidem, т. 8, с. 159. Цитата неточная. У Пушкина: Кто ты, мой ангел ли хранитель, или коварный искуситель.

¹² Лесков, рассказывая в романе *Обойденные*, как в гостеприимный дом Долинских являлись разные странники-богомольцы, пишет: „А иногда [являлся] и этакой простой, чистый и поэтически вдохновенный русский экземпляр, который не помнит, как и почему еще с самого раннего детства -

приходилось ему характеризовать и реальных лиц, как, например, архиепископа Иннокентия Таврического¹³ или графа Михаила Милорадовича¹⁴.

Конечно, *Евгений Онегин* не был единственным произведением Пушкина, на которое ссылался Лесков. В орбите его заинтересованности был весь Пушкин. И трудно найти произведение автора *Захудалого рода*, начиная уже с его дебютных статей¹⁵, в котором не мелькало бы в разных контекстах имя творца *Медного всадника* или не встречалась бы какая-нибудь цитата, реминисценция, вводная фраза или же прямая ссылка на его стихи. Трудно найти также сколь-нибудь значительного героя бесчисленных произведений Лескова, который не прибегал бы по воле автора к творениям Пушкина. Вот только несколько примеров. Так герой ранней повести

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест,
(Весьма мучительное свойство
И многих добровольный крест)".

(Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. 3, с. 22).

¹³ См. *Мелочи архиерейской жизни*.

¹⁴ „Михаил Милорадович, - писал Лесков в посвященном ему биографическом очерке, - имел большой успех в обществе в качестве красивого, ловкого танцора и остроумного собеседника. Общество наше тогда [конец XVIII века] было очень нетребовательно. Да если припомним Онегина, то и в позднейшие времена у нас

Кто по-французски совершенно
Мог изъясняться и писать,
Слегка мазурку танцевать
И кланяться непринужденно,
То про такого свет решил,
Что он *умен и очень мил* -

следовательно, понятно, что милое невежество молодого графа нисколько не помешало ему в свете" (Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 10, с. 152). Пушкинская строфа чуть изменена.

¹⁵ Уже в одной из своих дебютных статей, озаглавленной *О наемной зависимости* (1861), Лесков, рассматривая жгучий вопрос притязаний безнравственных мужчин к наемным женщинам, пишет, что притязания этих мужчин может только остановить „толчок ухватом в кухне или нулинская пощечина в классной комнате" (Н. Лесков, *Честное слово*, Москва 1988, с. 45). Лесков ссылается здесь на поэму Пушкина *Граф Нулин*, в которой заезжий молодой граф получает пощечину от хозяйки, когда ночью он вошел в ее комнату).

Овцебык Василий Богословский, заядлый холостяк, декламирует стих из *Полтавы*: „Стой один перед грозой, не призывай к себе жены”.¹⁶ Демонический злодей, купец Фирс Князев, герой пьесы *Расточитель*, издеваясь над смирившимся молодым купцом Молчановым, иронизирует: „Ведь вот теперь смирился пылкий Шлипенбах - стоишь передо мною на коленях...”¹⁷ В романе *Некуда* ультралиберал Арапов, ведя доктора Розанова в кружок польских и русских революционеров, напевает из *Руслана и Людмилы*: „Поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями?”¹⁸ Упомянутая уже героиня *На ножжах*, Глафира Бодростина, добивающаяся любви Подозерова, восклицает: „Неужто же так будет вечно? Нет, еще одно последнее сказание, и я начну новую летопись. Я хочу и я буду любима!”¹⁹ А добивающийся в свою очередь любви Глафиры, секретарь ее мужа, Ропцин, после вечерней с ней встречи взял „сочинения Пушкина и долго ходил по своей комнате, тихо скандуя переложение сербской песни: «не косись пугливым оком; ног на воздух не мечи; в поле гладком и широком своенравно не скачи»”, а позднее уже ночью „еще повторил особенно ему понравившуюся строфу: «В мерный круг твой бег направлю укороченной уздой»”.²⁰ Ропцину недаром нравится это стихотворение Пушкина, он именно стремится „обуздать” Глафиру и ему это в конце концов удается.

Примеров подобного рода использования Лесковым стихотворений Пушкина²¹ можно приводить десятки, не говоря уже о многочисленных примерах использования им текстов поэта в форме ил-

¹⁶ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 1, с. 50. В *Овцебыке* есть также вкомпонирующая цитата из *Демона*: „Когда мне были новы все впечатления бытия” (*ibidem*, с. 65).

¹⁷ *Ibidem*, с. 448. Лесков заменил в стихе из *Полтавы* слово *сдается* словом *смирился*.

¹⁸ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 2, с. 262.

¹⁹ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, т. 8, с. 345. Реминисценция первых строк из *Бориса Годунова*.

²⁰ *Ibidem*, с. 225. Цитируемое стихотворение, начинающееся словами „Кобылица молодая”, не является „переложением сербской песни”, а „подражанием Анакреону”.

²¹ Попутно следует заметить, что произведения Лескова щедро насыщены также цитатами и реминисценциями из многих других поэтов и писателей, прежде всего из Шекспира, Гейне, Лермонтова, Гоголя, Мицкевича, Сырокомли.

люстративных цитат, литературных реминисценций, эпитафий²², оглавлений разделов²³.

Поэтическая стихия Пушкина проникала не только художественное творчество, но и, можно сказать, личную жизнь Лескова. Он любил в обществе, в семейном кругу, в частной переписке, ссылаться на восхитившие его стихи поэта, а некоторыми его выражениями документировал даже свои слова. Особенно часто в своих письмах к родным и знакомым ссылался он на *Памятник* Пушкина, варьируя на все лады, „по потребности”, стих о пробуждении „добрых чувств”.²⁴ Не менее часто прибегал Лесков к словам Пушкина из *Гусара*: „Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке”. Это пушкинское изречение цитировал он почти всегда, когда описывал предвзятое отношение к себе или собратьям по перу. Вот один только пример. Уже под конец жизни, защищая от несправедливых „направленческих” нападок критические статьи Михаила Меншикова, Лесков писал своему будущему биографу, Анатолию Фаресову: „А вообще можно и должно держаться такого правила, что умных и даровитых людей надо беречь, а не швыряться ими как попало. О нас Пушкин сказал:

Здесь человека берегут
Как на турецкой перестрелке.

Оттого их так и много! Меня однако литература больше терза-

²² Так, например, в качестве эпитафии к легенде *Гора* предпослана цитата из *Египетских ночей*: „Этот анекдот совершенно древний. Такой случай нынче несбыточен, как сооружение пирамид, как римские зрелища - игры гладиаторов и зверей”. Эпитафией к *Полунощникам* послужила цитата из *Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы*: „Парки бабье лепетанье, Спящей ночи трепетанье, Жизни мышья беготня...”

²³ См. напр. название третьей главы шестой части *На ножжах*: „Превыше мира и страстей”. Название является неточной цитатой из *Красавицы*. У Пушкина: „Все выше мира и страстей”. Выражение это вкомпонировал Лесков также в рассказ *Дух госпожи Жанлис* и привел в форме цитаты в статье *Русские общественные заметки* („Биржевые ведомости”, 1869, пг 236).

²⁴ См. напр. письма Лескова адресатам: П. К. Щербальскому - от 16 IV 1871; В. П. Буренину - от 14 V 1883; А. С. Лескову - от 7 II 1887; Н. К. Крохину - от 27 XI 1889; А. К. Чертовой - от 2 III 1891; А. П. Кандибе - от 28 II 92.

ет, чем занимает. Мне по ней всегда видно, что мы народ дикий и ни с чем не можем обращаться бережно: «гнем - не парим, сломим - не тужим»²⁵.

Эту выписку мы привели не без умысла, ибо в какой-то степени она относится и к самому Пушкину. Ненавидя всякие идеологические направления, Лесков, испытавший в своей жизни немало гонений как от радикалов, так и от консерваторов, сочувствовал всем преследуемым и гонимым за свои убеждения и порицал всех, выступающих с лозунгом: „кто не с нами, тот подлец!” И Лесков даже своему литературному кумиру, Александру Пушкину, бросил упрек, что он во имя „направленческого деспотизма” преследовал своего собрата - Полевого. „Полевой заводит журнал, - пишет Лесков - Пушкин на него накидывается и накидывается именно с той стороны, к которой должен бы отнестись совершенно иначе. Пушкин говорит:

Журнала нового издатель:
Второй он гильдии купец,
Последней гильдии писатель
И первой гильдии подлец...

Как всякий более или менее меткий экспромт Пушкина разносился по столице и придавливал того, кого касался, так разнесся и преследовал этот экспромт Полевого и отравлял ему жизнь”. И вот, повествует далее Лесков, Полевой написал статью по поводу пьесы Кукольника *Рука Всевышнего Отечество спасла*. Статья эта не была чужда убеждениям Пушкина, но что делает поэт? „В дополнение к первому брошенному им в Полевого камню поэт наваливает его бревном, которого уже совсем, кажется, невозможно было ожидать от чуткого поэта, прозревавшего даже, что значит *мысль* в *Слове о полку Игореве*. Пушкин по поводу несчастий Полевого пишет:

Рука Всевышнего три чуда совершила:
Россию от врагов спасла,

²⁵ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 11, с. 560. См. в том же томе письмо Лескова к Виктору Гольцеву от 10 мая 1894 г., а также: А. Лесков, *Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам*, т. 1, Москва 1984, с. 254.

Поэту ход дала
И Полевого уходила.

Ревность по направлению так отуманивала великий, жизнь обнажавший до дна, ум поэта, что он даже не прозрел, что злое слово его о Полевом всего более потешит именно тех, кого сам Пушкин мог и должен был считать неисправимейшими врагами лучших своих симпатий²⁶.

Любовь Лескова к Пушкину не удерживала его, как видим, от критики „человеческих изъянов” поэта. Мало того, Лесков, для которого прежде всего важна была в литературе, кроме художественности, нравственно-учительская и воспитательная сила, такой силы не видел во многих произведениях автора *Графа Нулина*, в которых тот позволял себе с легкомыслием относиться даже к некоторым моральным законам. Так в 1883 году, рассматривая по очереди в своей брошюре *Еврей в России* соблюдение заповедей декалога, при рассмотрении девятой Лесков пишет: „Все повинны этому греху, и русские тоже. Самый возвышенный в своих помыслах поэт русский, Пушкин, не счел себя совершенно свободным от этого греха. В поэтической перифразе этой заповеди о неприкосновенности «всего елико суть ближнего» Пушкин говорит: «Не надо мне его вола», и действительно, - вола, которого ему «не надо», Пушкин отнимать у ближнего не хочет, но если есть «подруга», которая «мила, как ангел во плоти»... тогда «о Боже праведный, прости!» - поэт сознается, что он воспользуется ее милостью... Его не стесняло, что потеря милой подруги будет для ближнего, конечно, тяжелее потери вола. Еврейские экстазы и поэты в этом случае были скромнее: их Суламита сама «стережет свой виноград» и сама снимает свои «одежды легкотканые» перед тем, к кому «влекли ее желанья знойные». Нафан приходит обличать самого царя Давида за соблазн чужой жены, и царь надевает рубище и посыпает голову пеплом. Таков жидовский дух. Игривая поэтическая шутка русского поэта, столь легко извиняющая соблазн чужой жены, показалась бы преступною в глазах религиозного еврея. Но у нас, русских, это, к сожалению, даже не ставится в грех,

²⁶ [Н. Лесков], *Русские общественные заметки*, „Биржевые ведомости”, 1869, нг 298. Подч. Лесковым.

а считается молодечеством и нередко составляет своего рода признак хорошего тона”.²⁷

Итак, восхищаясь „бессмертной поэзией” певца Татьяны, Лесков далек был от восхищения моральной, а точнее, религиозно-моральной стороной этой поэзии. И это неоднократно давал понять своим читателям. Уже в 1877 году, в обширной статье под заглавием *Карикатурный идеал*, посвященной оценке книги Федора Ливанова *Жизнь сельского священника*, Лесков, иронизируя над героиней романа, которая „взявшись за развитие молодого богослова, не нашла ничего другого сделать, как только предложить ему чтение Пушкина, Лермонтова и Тургенева”, писал: „Такое чтение может служить в извещной мере к облагорожению вкуса - и только, от пастыря же церкви требуется еще многое другое, чего чтение Пушкина, Лермонтова и Тургенева раскрыть и развить не может”.²⁸ А в частном, до сих пор неопубликованном, письме к Алексею Суворину от 13 декабря 1890 года Лесков писал: „Я всегда бываю удивлен, когда слышу, что такой-то «воспитан на Пушкине». Разве можно *воспитываться* на таком человеке, каков был Пушкин? Он великий поэт, им можно наслаждаться и порою восторгаться, но на нем воспитывать свои понятия навек нельзя. Можно воспитывать себя в известном направлении на Бичер-Стоу, на Викт. Гюго, на Тургеневе, на Л. Толстом (все в известном роде), но на Пушкине можно художественно вертеться, а не воспитываться”.²⁹

Однако Пушкин для Лескова, несмотря на все выдвигаемые к нему „претензии”, был олицетворением русской литературы, началом всех начал. Творец *Некуда* с ранней юности зачитывался произведениями Пушкина и досконально знал не только его творчество, но и его биографию. Он даже по просьбе Ивана Аксакова, будучи летом 1875 года в Париже, специально сблизился с известным эмигрантом, князем Иваном Гагариным, от которого, по его словам „веяло еще атмосферой пушкинского кружка”³⁰, чтобы вы-

²⁷ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 3, Москва 1993, s. 242-243.

²⁸ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 10, s. 221, 222. Подч. Лесковым.

²⁹ Санкт-Петербург, Архив ИРЛИ, ф. 268, нр 131.

³⁰ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 10, s. 407.

яснить, кто был автором посланного Пушкину пресловутого „диплома”, ставшего причиной трагической гибели поэта. Многие подозревали, что был ним именно Гагарин, но Лесков, в опубликованной в 1886 году своей статье *Иезуит Гагарин в деле Пушкина*, старался снять с Гагарина эти подозрения.³¹

Лесков, подобно Достоевскому, много и часто размышлял о Пушкине, но в отличие от Достоевского, который в своей сенсационной речи, произнесенной 8 июня 1880 года в зале московского Благородного собрания, поставил Пушкина на недосягаемый пьедестал всечеловека, Лесков ставил Пушкина на недосягаемый пьедестал русского поэта, поэта „бессмертного, доколе звучит русское слово”.³² И если для Достоевского Пушкин был „возвышенным идеалом”, играющим в его духовной жизни первостепенную роль, то для Лескова Пушкин был „величайшим творцом”, без знания которого он не мыслил себе знания родной литературы. Отсюда даже герои его произведений пропагандируют Пушкина, и то не только ссылками на него, но и покупают его сочинения или берут из библиотек, чтобы потом вслух читать полюбившиеся им стихи.³³

³¹ В заключении статьи *Иезуит Гагарин в деле Пушкина* Лесков писал: „Из встреч и бесед с ним у меня сложилось такое убеждение: 1) что дело смерти Пушкина тяготило и мучило Гагарина ужасно; 2) что он почитал себя жестоко оклеветанным; 3) что опровержений своих он не почитал достаточно сильными для ниспровержения всей этой клеветы и 4) что он был убежден в существовании более сильного и неопровержимого доказательства его правоты, каковое доказательство и есть во Франции” (*Исторический вестник*, 1886, nr 8, s. 273). Подч. Лесковым.

³² „Литературная библиотека”, 1867, сентябрь, ks. 2, s. 225. К самой речи Достоевского Лесков отнесся с добродушным снисхождением. Лесков вообще не одобрял юбилейных торжеств и не любил произносимых на них выпренных фраз. без одобрения отнесся он и к организованным в Петербурге в 1887 году чествованиям памяти Пушкина в связи с пятидесятилетием его смерти. Как свидетельствует его письмо к Владимиру Черткову от 28 января 1887 года, он был даже рад, что в торжественные дни заболел „мучительным судорожным кашлем”. „В беде этой, - писал, - усматриваю нечто и утешительное: я могу не идти не только на обеденное бахвальство по Пушкине, но и на молитвенную комедию о нем со стороны людей, допускающих религию только «как стимул политического объединения»” (Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, t. 11, s. 327-328).

³³ См. романы Лескова - *Островитяне*, *Обойденные*, *На ножгах*.

Без знания Пушкина не мыслил себе Лесков и образованного соотечественника. И поэтому советовал всем, и прежде всего молодым писателям, почаще „заглядывать в Пушкина”.³⁴ Советовал он это делать и своим близким. Так, узнав о недостаточной начитанности своей знакомой, молодой художницы Зинаиды Ахочинской, он писал ей 17 февраля 1891 года: „Посылаю рябчика и *Сочинения Пушкина*, все в одном томе. Рябчика кушайте, а книгу положите себе прочесть от доски до доски. Это и приятно, и полезно, и *необходимо*, так как женщине, желающей занять художественное амплуа, *нельзя* щеголять всестороннею беспечностию насчет литературы - особенно *родной*, и в лице ее самого главного и действительно великого представителя и поэта с мировую известностию”.³⁵

Перечитывать Пушкина „от доски до доски” было и для Лескова „приятно и полезно” на протяжении всей его жизни.

³⁴ А. Лесков, *Жизнь Николая Лескова*, т. 2, с. 252.

³⁵ Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. 11, с. 480. Подч. Лесковым.